

Цзян ХаньЯ склонил голову, сосредоточенно изучая текст электронной книги на экране планшета. Время от времени он выводил пометки электронным пером на свободных полях. На фоне его традиционного старинного одеяния и окружающей обстановки, буквально пропитанной духом древности, эта картина выглядела весьма странно, порождая острое чувство диссонанса. Впрочем, сам Цзян ХаньЯ этого совершенно не замечал.

Все имевшиеся в комнате книги он давно изучил от корки до корки, поэтому, чтобы раздобыть для него свежую литературу, Инь Цичи отправился в библиотеку. В библиотеке секты Летящей Радуги хранилось колоссальное количество трудов. Помимо нефритовых свитков, которые можно было приобрести для изучения за очки вклада, там высились целые горы бесплатных бумажных изданий. Большая часть этих бумажных книг состояла из низкоранговых техник и заклинаний, предназначенных для первичного ознакомления учеников.

Войдя внутрь, Инь Цичи приступил к сканированию, методично продвигаясь слева направо. Индикатор прогресса на его внутреннем интерфейсе медленно, но верно полз вперед. В глазах других учеников, листавших фолианты, Инь Цичи просто зашел в зал, немного побродил и совершенно невозмутимо вышел обратно.

Всего было отсканировано три тысячи семьсот двадцать одна книга. Затем он преобразовал их в электронный формат и загрузил в планшет Цзян ХаньЯ.

Цзян ХаньЯ замолчал.

Глядя на экран, где количество книг на виртуальной полке внезапно увеличилось на три тысячи с лишним, он надолго погрузился в задумчивость.

- ...Спасибо, - тихо произнес он.

Инь Цичи мягко улыбнулся:

- Не за что.

В последнее время Инь Цичи был крайне обременен делами: он повсюду раздувал пламя интриг, попутно выстраивая себе нужный имидж. Жизнь представляла собой один большой

театр, а он был тем самым многогранным актером, который умудрялся успевать на все съемки сразу.

Когда он уже собирался уходить, Цзян ХаньЯ поднялся с места. Хотя Цзян ХаньЯ не принадлежал к миру культиваторов и, не имея духовного корня, не мог практиковать эти техники, их изучение все равно могло подсказать ему некоторые ценные идеи. Инь Цичи сделал ему такой щедрый подарок, поэтому он, естественно, считал, что должен отплатить тем же.

- Я пойду с тобой, - сказал он.

Инь Цичи удивленно посмотрел на него.

Цзян ХаньЯ спокойно произнес:

- Если простой смертный, не обладающий ни единым талантом к культивации, будет вести себя как истинный хозяин и заставлять внутреннего ученика прислуживать себе, это неизбежно вызовет недовольство у окружающих.

Как бы внутренние ученики ни презирали Инь Цичи, он все же оставался одним из них. Они могли без зазрения совести унижать и топтать его, не испытывая ни малейшего бремени на душе. Но как бы ни грызлись между собой культиваторы, это всегда оставалось их внутренним делом. Однако, если Инь Цичи на глазах у всех будет помыкать смертным, некоторые практики этого точно не потерпят.

Мир бессмертных и мир смертных представляли собой две совершенно разные реальности. Цзян ХаньЯ знал, что Инь Цичи выпустил немало «компромата», планируя «отмыть» свою репутацию. Но обеление всегда требует постепенных шагов. Прежде всего, следовало смыть с Инь Цичи позорное клеймо «человека с волчьими амбициями» и «неверного слуги», заменив его образом «преданного защитника своего господина». Нужно было прочно закрепить за ним ярлык слуги. Только после этого проявление заботы о своих подчиненных будет выглядеть куда более логичным и естественным.

Цзян ХаньЯ не стал объяснять больше, но Инь Цичи понял его с полуслова. Он тут же сочинил в голове несколько сценариев и, выбрав самый подходящий, произнес:

- Пойдемте прогуляемся, мой старший молодой господин, - он картинно распахнул перед ним дверь. - Осторожнее, здесь порог.

Цзян ХаньЯ посмотрел на его протянутую руку:

- ...Не нужно меня поддерживать.

- Как же так? - обеспокоенно отозвался Инь Цичи. - Вы только что переболели и еще не до конца поправились.

- Кстати, - он достал пушистую накидку и направился к Цзян ХаньЯ. - Пожалуйста, будьте осторожны, чтобы не простудиться.

Цзян ХаньЯ снова замолчал.

Он подумал, что чем слабее и беззащитнее он будет выглядеть в глазах окружающих, тем сильнее будет гнев культиваторов, когда он начнет помыкать Инь Цичи. Видимо, Инь Цичи тоже учел этот момент. Цзян ХаньЯ решил подыграть и потянулся, чтобы взять накидку и завязать её самостоятельно.

Инь Цичи покачал головой:

- Разве можно утруждать вас такими пустяками? Позвольте мне.

Цзян ХаньЯ нахмурился:

- Почему ты так одержим ролью слуги? Если это лишь временная мера, чтобы замаскироваться, то этого достаточно. Вокруг никого нет, зачем продолжать этот фарс?

- Тебе лучше не воспринимать себя как слугу всерьез, - с предупреждением взглянул на него Цзян ХаньЯ. - Постоянное самоуничижение притупит твой боевой дух. Когда станет слишком поздно, жалеть будет бесполезно.

Получив нагоняй от Цзян ХаньЯ, Инь Цичи сначала опешил, а затем весело рассмеялся:

- Не злитесь, не злитесь, я ведь просто играю, не переживайте так.

Если бы Инь Цичи был по-настоящему бесхребетным, он бы давно примкнул к какой-нибудь могущественной корпорации и стал их верным псом. На людях он мог вообще не заботиться о

собственном достоинстве: если бы пришлось выбирать между смертью стоя и жизнью на коленях, он бы без колебаний встал на колени. Ни секунды не раздумывая. Лишь бы выжить – хоть поклоны до земли бей, какая разница? В конце концов, он был выходцем из трущоб подземного района, так какое там достоинство? Подобные вещи – роскошь, доступная лишь тем, кто сыт и живет в достатке.

Но это была лишь внешняя сторона. На самом деле его внутренний стержень был крепче, чем у кого-либо другого. Иначе он не выбрал бы жизнь, где голова постоянно находится на волоске, вместо того чтобы построить блестящую карьеру в корпорации. Когда его спрашивали об этом, он лишь усмехался, говоря, что только такая жизнь имеет истинный смысл.

Сейчас он играл роль слуги Цзян ХаньЯ вовсе не из чувства неполноценности. Причина крылась в стереотипах. До того как он попал в этот мир, в фильмах про богачей часто встречался сюжет «низшего против высшего». Тот, кого презирали высокомерные господа, дожидаясь своего шанса, брал инициативу в свои руки и доводил спесивых аристократов до того, что они теряли самообладание, плакали и молили о пощаде. Подобные сюжеты стали формулой успеха, потому что у них было огромное количество зрителей. Всем это нравилось.

Инь Цичи просто перенес этот сценарий на себя, занимаясь своего рода косплеем. Главной причиной было то, что Цзян ХаньЯ в роли молодого господина выглядел слишком авторитетно. Он был больше похож на «высшее существо», чем все те, кого Инь Цичи видел раньше. Даже те, кто умел искусно скрывать свое присутствие, по сравнению с Цзян ХаньЯ казались вульгарными выскочками.

Стоило Цзян ХаньЯ опустить взгляд и просто стоять рядом, как весь его облик – благородный, величественный и неприкосновенный – тут же пробуждал в сердце Инь Цичи самые порочные мысли. «Уложить моего господина в постель и увидеть на его лице выражение абсолютного неверия... это должно быть чертовски забавно».

Цзян ХаньЯ не понимал, что творится в голове у Инь Цичи, полагая, что тот все еще слишком заиклен на своем происхождении. Он сказал:

- Глупее всего – пытаться ограничить свой статус и будущее лишь своим происхождением, – Цзян ХаньЯ внимательно посмотрел на Инь Цичи. – Каким бы высоким ни было существо, если проследить его род до самого начала, всегда найдется предок низкого происхождения. Процветающий клан тоже когда-то начинался с одного-единственного человека. Ты понимаешь?

- Понимаю, – улыбаясь, кивнул Инь Цичи.

Цзян ХаньЯ решил, что наконец-то достучался до него, и снова потянулся за накидкой, но Инь Цичи снова ловко увернулся.

- Позвольте мне, - с неизменной улыбкой повторил он.

Цзян ХаньЯ снова замолчал.

Значит, всё, что он только что сказал, было впустую?

- Вовсе нет, - Инь Цичи легко угадал мысли Цзян ХаньЯ, продолжая аккуратно завязывать тесемки накидки.

Цзян ХаньЯ снова нахмурился. Что ж, изменить чьи-то глубокие взгляды за пару фраз крайне трудно. Когда Инь Цичи наберется сил и станет настоящим мастером, он наверняка сам всё поймет.

Инь Цичи был выше Цзян ХаньЯ, и, склонившись, чтобы завязать узел, он мог беспрепятственно любоваться его лицом. В уголках его губ заиграла едва заметная улыбка, которую он сам не осознал. Тыльная сторона ладони Инь Цичи случайно или намеренно коснулась щеки Цзян ХаньЯ. Кожа у него была очень горячей, и Цзян ХаньЯ слегка отстранился, решив, что это была лишь случайность.

Инь Цичи убрал руку и отступил на два шага, чтобы оценить результат. Обычно пушистая накидка делает человека неуклюжим, превращая его в подобие шара, но Цзян ХаньЯ она не портила. Высокий и стройный, с черными волосами, контрастирующими с белоснежной тканью, и пушистым воротником вокруг лица, он напоминал изысканную фарфоровую куклу: красивую, дорогую, но бесконечно хрупкую, требующую самого бережного ухода. По сравнению с прежним видом, он стал выглядеть еще более утонченно.

Инь Цичи облизнул губы, почувствовав внезапную жажду. Цзян ХаньЯ почти никогда не носил накидок: будучи мастером боевых искусств, он обладал крепким здоровьем и обычно не замечал перемен температуры. Он повел плечами, чувствуя, что накидка лишняя и только мешает движениям. Но раз уж ему нужно играть роль слабого смертного, не способного сопротивляться холоду, приходилось терпеть.

Накидка была длинной, и, переступая порог, Цзян ХаньЯ приподнял её край. Инь Цичи,

следовавший за ним, подумал, что это очень похоже на то, как героини старых фильмов приподнимают подол платья. Как он может быть таким красивым? Улыбаясь, он последовал за ним.

Цзян ХаньЯ всегда умел скрывать свое присутствие, поэтому окружающим было крайне трудно определить его истинный уровень культивации. Сейчас, чтобы подыграть, он полностью подавил свою ауру, и на первый взгляд действительно казался хрупким смертным.

Они остановились в месте, где часто проходили внутренние ученики, и начали свой «спектакль».

- Столько времени прошло, а ты так и не нашел способа, - бесстрастно, почти холодно произнес Цзян ХаньЯ. - От тебя совершенно никакого толку, - сказав это, он прикрыл рот рукой и несколько раз кашлянул, изображая крайнюю степень слабости.

- Господин, - Инь Цичи поспешно шагнул вперед, поправляя накидку Цзян ХаньЯ и укутывая его плотнее. - Пожалуйста, берегитесь простуды.

Цзян ХаньЯ вскинул подбородок:

- Никчемный.

- Господин прав, - Инь Цичи опустил голову, смиренно признавая вину. - Я буду стараться еще усерднее. Я разузнал, что древесный духовный корень подходит для алхимии, в будущем я обязательно добуду подходящие пилюли.

- Кто станет ждать так долго? - продолжал Цзян ХаньЯ с каменным лицом. - Мне нужно решение сейчас.

- Да, господин, не гневайтесь, это вредно для вашего здоровья.

Этот диалог господина и слуги быстро достиг ушей проходящих мимо культиваторов. Кто-то счел это не своим делом и просто прошел мимо. Но нашлись и те, кто посчитал, что смертный, смеющийся так помыкать культиватором, - это полное и вопиющее нарушение небесного порядка! И что с того, что он когда-то был хозяином этого человека? Мир бессмертных и мир смертных - разные вещи!

Как раз в этот момент один из проходящих мимо культиваторов счел, что его достоинство задето. Его взгляд мгновенно похолодел, и он бросил Цзян ХаньЯ:

- Откуда вообще взялся этот слуга? Почему он настолько невоспитан?

Затем он перевел взгляд на Инь Цичи, не питая ни капли симпатии к человеку, добровольно выбравшему столь низкое положение:

- Сегодня я помогу тебе проучить этого наглого выскочку! - сказав это, он с силой выпустил свою ауру давления.

«О, бесплатный статист пожаловал», - подумал Инь Цичи. По силе давления можно было понять, что перед ними мастер, достигший пика стадии построения фундамента; до прорыва к золотому ядру ему оставался всего один шаг. Инь Цичи уже встречал немало таких мастеров. Неужели этот барьер настолько трудно преодолеть? Неужели никто из них не смог прорваться к золотому ядру?

Цзян ХаньЯ оставался абсолютно невосприимчив к давлению противника, но, чтобы доиграть свою роль до самого конца, он прикрыл лицо рукой, приглушенно закашлялся и, будто внезапно обессилев, тяжело опустился на каменную скамью, стоявшую неподалеку. Слегка направив внутреннюю энергию, он в одно мгновение сделал свое лицо мертвенно-бледным, создавая иллюзию крайней степени истощения.

- Как ты смеешь так оскорблять моего господина?! - воскликнул Инь Цичи.

Он тут же стремительно встал перед Цзян ХаньЯ, полностью принимая на себя всю мощь давления противника.

Культиватор посмотрел на него с нескрываемым презрением:

- В моей секте Летящей Радуги не принято, чтобы простые смертные вели себя столь дерзко! Даже у слуги должен быть хотя бы начальный уровень стадии конденсации ци, - с ядовитой издевкой добавил он. - И ты добровольно служишь такому бесполезному отбросу? Лучше встань на колени и побей мне поклоны, и, возможно, я даже подумаю о том, чтобы взять тебя в свои слуги, - сказав это, культиватор властно протянул руку, намереваясь схватить Цзян ХаньЯ. В его глазах смертный был ничтожным существом, которое можно было убить одним легким движением пальца. Цзян ХаньЯ просто не понравился ему, и он решил прикончить его здесь и сейчас. В его расчетах всё было просто: если он убьет того, кто не обладает

культивацией и проник в секту Летящей Радуги в качестве обычного слуги, что Инь Цичи сможет ему противопоставить?

Цзян ХаньЯ сидел на скамье, и все его мышцы были предельно напряжены. На руке, покоившейся на каменном столе, под бледной, почти прозрачной кожей отчетливо проступили вены. Он изо всех сил сдерживал яростное желание контратаковать и стереть наглеца в порошок. Однако в глазах противника эта внутренняя борьба выглядела как парализующий, животный страх.

В тот самый момент, когда рука культиватора почти коснулась Цзян ХаньЯ, перед ним внезапно возник длинный, сверкающий меч.

Инь Цичи с недобрым, холодным выражением лица произнес:

- Хочешь тронуть моего господина? Сначала перешагни через мой труп!

Культиватор громко рассмеялся:

- Раз ты сам так отчаянно ищешь смерти, не вини меня!

Ученикам было строго запрещено убивать друг друга, но он рассудил так: пока он оставит Инь Цичи хоть каплю жизни, это не будет считаться грубым нарушением правил секты. Он искренне желал, чтобы этот «самоуничтожающийся» подонок воочию увидел, как его драгоценного хозяина стирают в пыль.

Мастера на пике стадии построения фундамента бывают разными. Этот человек намеренно сдерживал свой уровень, не переходя к золотому ядру, чтобы максимально укрепить фундамент и буквально взлететь ввысь сразу после прорыва. С его нынешней истинной силой обычные мастера на пике стадии построения фундамента не были ему достойными соперниками. Что уж говорить о новичке, который только-только вступил на стадию построения фундамента.

Этого культиватора звали Ся Чжэкай. Много лет назад он и сам был всего лишь слугой, которого безжалостно топтали ногами. Позже, благодаря своему фанатичному упорству, он сумел стать учеником секты Летящей Радуги. Он хранил гробовое молчание о своем позорном прошлом, утверждая, что происходит из какого-то малого клана, и никому не позволял даже заподозрить, что когда-то был раболепным слугой. Ся Чжэкай давно и бесповоротно порвал со своим прошлым. Настолько давно, что когда до него дошли слухи об Инь Цичи, он лишь мельком и с безразличием взглянул на ситуацию.

Он был хорошо знаком с внутренними учениками и понимал, что происхождение – вещь крайне полезная, но в то же время совершенно бесполезная. Если ты сможешь подняться выше и стать великим мастером, никто не станет попрекать тебя низким происхождением, и ты сможешь на равных общаться с самыми высокородными аристократами. Но если ты останешься лишь заурядным культиватором низкого ранга, не достигшим стадии зарождения души, то слишком низкое происхождение станет для тебя лишь тяжелой помехой.

Ся Чжэкай изначально даже хотел помочь Инь Цичи, видя в нем отражение самого себя в молодости. Стоило Инь Цичи убить своего бывшего хозяина, расправиться с парой слуг для устрашения, окончательно порвать с позорным прошлым и продемонстрировать свой талант – и хотя это не принесло бы ему мгновенного равенства с другими, жизнь стала бы намного легче.

Но! Этот Инь Цичи оказался слишком деградировавшим! Обладая таким выдающимся талантом, он по какой-то глупости продолжал служить своему бесполезному смертному господину, унижаясь и потакая каждой его прихоти. А когда до Ся Чжэкай дошли слухи, что Инь Цичи, будучи внутренним учеником, продолжает водиться с кучкой низких слуг, его бывшая симпатия сменилась полным, глубоким отвращением.

А теперь, столкнувшись с этой сценой вживую, он окончательно воскресил в памяти свое прошлое. Он вспомнил, как сам был слугой, как его жестоко наказывали и били, лишая всякого человеческого достоинства. Хотя после достижения стадии построения фундамента он хладнокровно вырезал всю семью своего бывшего хозяина, эта старая обида все равно оставалась глубокой душевной раной.

Его взгляд стал ледяным, и он с резким звуком выхватил меч. Он чувствовал, что обязан убить этого смертного, который смеет помыкать другими. И Инь Цичи он тоже должен был покалечить. Раз уж тому так нравится быть слугой, пусть станет калекой и сгниет в грязи!

Мечи столкнулись с оглушительным, режущим слух звоном. Ся Чжэкай и Инь Цичи быстро схлестнулись в яростном бою. Поскольку в их сценарии была заранее прописана сцена сражения, Цзян Ханья и Инь Цичи специально выбрали место рядом с большой открытой площадкой. Сражающиеся, естественно, переместились на пустое пространство. Хотя правила секты запрещали ученикам убивать друг друга, пока никто не умирал, никаких проблем не возникало. Ученики часто начинали драки из-за личных обид или столкновения интересов. Это было обычным, почти повседневным делом.

Инь Цичи, хоть и не находился на пике стадии построения фундамента, обладал куда более глубоким и прочным фундаментом, чем Ся Чжэкай. Он поглотил почти половину небесных

сокровищ из тайного царства семьи Инь, а затем продолжал питаться ими каждые несколько дней. Все сокровища, которые Ся Чжэкай добывал за всю свою жизнь, не шли ни в какое сравнение с тем объемом ресурсов, который Инь Цичи уже успел поглотить.

Вскоре Ся Чжэкай с ужасом обнаружил, что Инь Цичи не только невероятно быстр и силен, но и атакует под такими коварными, неожиданными углами, что защититься от него было практически невозможно. А его духовная энергия казалась просто бесконечной.

«Так силен!» - пронеслось в его голове.

Но чем сильнее оказывался противник, тем глубже становилось отвращение Ся Чжэкай и тем сильнее росло желание его покалечить. Он осознал, что эта ситуация задела его старую душевную травму, и если он не решит проблему сейчас, она превратится в настоящего «сердечного демона», который навсегда заблокирует его дальнейшую практику. Он должен был уничтожить Инь Цичи, а затем убить его смертного хозяина. Только так он мог обрести долгожданный душевный покой.

Инь Цичи использовал лишь сорок процентов своих истинных сил. Быть слишком сильным в данной ситуации было вредно - это мешало созданию его идеального образа «красивого, сильного, но несчастного». Однако в ходе боя он заметил, что противник почему-то внезапно «сломался». «Неужели у него настолько слабая психика?» - удивился он.

Инь Цичи легко отразил очередную атаку, скользнул взглядом по искаженному лицу Ся Чжэкай и, внезапно улыбнувшись, прошептал в самом разгаре ближнего боя:

- Никто не знает о твоём скрытом прошлом, верно?

Атака противника на мгновение замерла, а затем он, словно взбесившаяся, загнанная в угол собака, с яростным криком бросился на Инь Цичи, совершенно не заботясь о последствиях и защите.

«Угадал», - удовлетворенно подумал Инь Цичи.

Он открыто рассмеялся:

- Ты такой жалкий, раз изо всех сил пытаешься скрыть свое прошлое слуги, - он ядовито добавил, вкладывая в слова максимум презрения: - Но ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что человек никогда не сможет полностью избавиться от своего происхождения, правда? Даже

став культиватором, ты в глубине души остаешься тем самым низким рабом.

Эти слова попали точно в цель, в самое сердце старой раны. Ся Чжэкай окончательно потерял самообладание.

- Что ты понимаешь, ты, самоуничижающийся отброс! - взревел он.

В его сознании всё еще жила надежда: пока он может практиковать и в итоге стать великим мастером, он сможет полностью стереть свое происхождение из истории.

Инь Цичи, сохраняя абсолютное спокойствие, в короткой паузе между ударами снова прошептал:

- Ты ведь убил своего бывшего хозяина, да?

Зрачки Ся Чжэкая сузились от шока. А затем он услышал продолжение:

- Всё, что произошло в прошлом, всегда оставляет след. Ты наивно думал, что, убив хозяина, сможешь избавиться от своего низкого происхождения? - он прошептал это так тихо, чтобы слова слышал только Ся Чжэкай: - Ты навсегда останешься тем самым низким рабом. Это твое происхождение, клеймо, которое невозможно смыть. Оно всегда будет в твоём сердце, станет твоим сердечным демоном, который никогда не исчезнет, и в конце концов перекроет тебе путь к истинному совершенствованию. Хочешь стать великим мастером? Не мечтай.

- Ты! - закричал Ся Чжэкай.

Его глаза налились кровью, он окончательно обезумел от ярости. Больше не сдерживаясь, он применил свой главный козырь.

Инь Цичи быстро оценил ситуацию и, намеренно не уклоняясь, принял удар на себя. Его лицо мгновенно побледнело, он с силой сплюнул кровь. Затем, ловко отразив последующую атаку Ся Чжэкая, он нанес резкий ответный удар мечом и, собрав всю духовную энергию в ладони, обрушил мощный удар, который, казалось, с большим трудом отбросил Ся Чжэкай назад.

Используя свой козырь, Ся Чжэкай окончательно выдохся и тяжело опустился на колени, опираясь на свой меч, чтобы не упасть. Инь Цичи не мог на глазах у всех просто уничтожить

его дантянь – это было бы слишком жестоко и совершенно не пошло бы на пользу его выстраиваемому образу. Но как истинный любитель «вырывать сорняки с корнем», Инь Цичи не собирался отпускать Ся Чжэкай целым и невредимым. Разве это не значило бы «отпустить тигра обратно в горы»?

Поэтому он применил секретную технику континента Черной Черепахи, направив внутреннюю силу так, чтобы бесшумно и незаметно раздробить духовный корень Ся Чжэкай. Он сделал это невероятно искусно: корень не рассыпался на куски, внешне оставаясь прежним. Но внутри он превратился в бесполезную труху. Этот прием был даже более жестоким, чем прямое уничтожение дантяня, ведь у противника теперь не было ни единого шанса на восстановление. Самое прекрасное заключалось в том, что сам Ся Чжэкай пока этого совершенно не замечал.

Когда в будущем он попытается высвободить по-настоящему мощную атаку, его духовный корень просто «взорвется», раздавленный собственным потоком энергии. Поскольку это была техника с континента Черной Черепахи, никто в этом мире культиваторов не смог бы её распознать. Это была колоссальная разница в информации между разными системами сил. Так что, если в будущем с его духовным корнем возникнут фатальные проблемы, это будет исключительно его собственная вина, и к Инь Цичи это не будет иметь никакого отношения.

Одержав победу, Инь Цичи прикрыл грудь рукой и дважды тяжело кашлянул. Кровь на его губах уже успела засохнуть, а бледное лицо делало его вид даже более жалким, чем вид проигравшего Ся Чжэкай.

– Господин, вы в порядке? – с тревогой спросил он.

Актер Инь Цичи продолжал безупречно играть по сценарию. Хотя Цзян ХаньЯ прекрасно знал, что всё это притворство, он всё равно был впечатлен качеством исполнения. По сценарию он должен был продолжать грубо отчитывать своего слугу, но его тон стал гораздо мягче:

– Если ты довел себя до такого состояния, как ты сможешь меня защитить?

В сочетании с выражением лица и интонацией это звучало уже не как требование высокомерного хозяина, а скорее как капризная, почти нежная жалоба.

– В следующий раз такого не повторится, – мягко ответил Инь Цичи. – Господин, не волнуйтесь, я обязательно стану сильнее.

Они продолжали разыгрывать сцену «глубокой привязанности господина и слуги», а Ся Чжэкай, наблюдая за поведением Инь Цичи и невероятно красивой, утонченной внешностью Цзян ХаньЯ, начал что-то подозревать. «А, вот оно что. Неудивительно, что Инь Цичи, став таким перспективным внутренним учеником, не бросил этого смертного господина. Оказывается, у них вот такие отношения!»

На мгновение он совершенно лишился дара речи. Он чувствовал себя клоуном, опозоренным до предела. Немного восстановив силы, он поднялся, тяжело опираясь на меч. Перед уходом он бросил глубокий, полный ненависти взгляд на воркующую парочку, и злоба в его сердце стала еще сильнее. Рано или поздно он превратит их в пару мертвых уточек!

Цзян ХаньЯ заметил реакцию Ся Чжэкай, поджал губы и тихо прошептал:

- Кажется, он догадался о наших отношениях.

Инь Цичи моргнул. Судя по его жизненному опыту, догадался тот явно не о «чистых партнерских отношениях».

- Ничего страшного, - спокойно ответил он.

Для него этот человек был не более чем кузнечиком после осени; что бы тот ни думал - это не имело никакого значения. Никакого реального влияния это не окажет. А если он пустит слухи - тем лучше, это лишь подбросит дополнительных дров в огонь его будущего обеления.

После завершения «съемок на выезде» Цзян ХаньЯ вернулся к своему прежнему состоянию - затворничеству в комнате. Три тысячи с лишним книг ждали его. Инь Цичи когда-то говорил ему, что должен выполнить определенное задание системы межмировой торговли, чтобы открыть канал передачи. А именно - добыть пилюлю продления жизни из этого мира культиваторов. Секта Летящей Радуги обладала богатым наследием, и при наличии достаточного количества очков вклада пилюлю можно было обменять напрямую.

Цзян ХаньЯ не знал, когда именно Инь Цичи выполнит это задание, но считал, что ему лучше успеть прочитать всё до отъезда. Так, если в будущем возникнут вопросы, он сможет получить ответы у Инь Цичи. Как только он вернется на континент Черной Черепахи, им с Инь Цичи придется разойтись, и тогда, столкнувшись с трудностями, он может оказаться в совершенно безвыходном положении.

С этой мыслью Цзян ХаньЯ усердно учился, почти не ложась спать. План Инь Цичи

продвигался невероятно гладко, и однажды он пришел поделиться информацией с Цзян ХаньЯ:

- Репутация создана, я начал формировать небольшую разведывательную сеть.

- Угу, - коротко отозвался тот.

- Я решил пойти по пути алхимии. Слуга одного великого мастера-алхимика сказал мне, что его господин подумывает взять ученика, но официального объявления еще не было. Я готов воспользоваться этим шансом и попроситься в ученики.

- Угу.

- Духовный корень того статиста уже разрушен, но никто не подозревает нас; все думают, что это дело рук его врагов.

- О... кстати, каково это - направлять духовную энергию через духовный корень?

Инь Цичи замолчал.

«Может, ты рискнешь посмотреть на меня хотя бы один раз?» - подумал он.

<http://bllate.org/book/17943/1720843>